

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

XX 197
— 2
—

ОКТЯБРЬ

МОСКВА
1938

Из переписки А. П. Чехова и О. Л. Книппер

★

ОТ РЕДАКТОРА

В настоящее время готовится к печати третий (он же и последний) том переписки А. П. Чехова и жены его О. Л. Книппер, из которого мы помещаем ниже три значительных отрывка.

Первый ограничен датами: 10 декабря 1902 г. и 24 декабря 1902 г. В эти дни Московский Художественный театр заканчивал работу по постановке «На дне» Горького и затем впервые ставил названную пьесу, чутко прислушиваясь к откликам на этот спектакль, явившийся одним из важнейших событий в жизни театра. О. Л. Книппер, участвовавшая в спектакле, дает в своих письмах непринужденную, живую и правдивую подневную запись переживаний театра в эти знаменательные дни, представляющую сейчас особенный интерес в виду сорокалетнего юбилея театра.

Два другие отрывка переписки ограничены датами: 27 февраля 1903 г. — 24 марта 1903 г. и 19 сентября 1903 г. — 10 октября 1903 г. Центральный интерес этих периодов заключается в работе Чехова над «Вишневым садом». Первый из них дает представление о начальной стадии работы писателя. С конца апреля до середины сентября 1903 г. письма отсутствуют, — супруги Чеховы жили вместе. Переписка возобновляется с 19 сентября, когда О. Л. Книппер уехала из Ялты в Москву. 14 октября 1903 г. рукопись «Вишневого сада» была уже отправлена автором в театр. Таким образом, отрывок из переписки с 19 сентября по 10 октября 1903 г. приходится на важнейший, заключительный период работы Чехова над своей последней пьесой. Он отражает всю трудность этого процесса, обусловленную как тяжелым, болезненным состоянием писателя, так и сложностью и новизной этого драматического произведения Антона Павловича, знаменовавшего некий итог его драматургических исканий.

Письма печатаются с подлинников, с особенностями их орфографии. В угловые скобки заключены слова или части слов, добавленные редактором. Многоточие, заключенное в угловые скобки, означает купюру в данном месте.

Комментарии редактора, по сравнению с отдельным изданием писем, даны здесь в чрезвычайно сокращенном виде. В частности — совершенно опущены пояснительные указания к именам как общеизвестным, так и случайным для данных периодов переписки

А. Дерман.

★ ★ ★

I

1. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

10 дек[абря] 1902 [г. Ялта].

Кринолинчик мой милый, здравствуй! Письмо твое доброе, веселое с извещением о получении моих писем — получил, спасибо тебе.

Мать просит Машу¹ привезти тех сушек из арорута, какие мы ели в последнее время.

Если Маша увидит Сытина, то пусть напомнит ему про календари для матери. Маше буду завтра писать особо.

Это хорошо, что ты бываешь у Таубе. Он очень серьезен и пунктуален, смотри не влюбись в него.

Будь здорова, балбесик. Поздравь Во-

лодю с двумя сотнями². Значит, он уже совсем обьядвокатился. Напиши, когда его свадьба и как и в какое время посылать телеграмму.

Фомке жму лапу. Боюсь, как бы он у нас журавлей не заел.

Обнимаю жену мою законную и целую тысячу раз.

Твой А.

1. Мария Павловна Чехова — сестра Антона Павловича. В настоящее время заведует Домом-Музеем А. П. Чехова в Ялте.

2. Владимир Леонардович Книппер-Нардов, брат О. Л. Книппер, в то время — начинающий адвокат, впоследствии — артист-певец.

2. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

10 дек[абря] 1902 г. [Москва], 6 ч. веч.

Целую тебя за письма твои, дорогой мой! И письма я целую. Отчего у тебя холодно? Маша приедет — устроит. А пиджак пожалуйста меняй каждый день, чтобы его можно было чистить. Отчего ты так не устроишь? С вечера как разденешься, выложить его к дверям; утром рано, Арсений или Настя могут вычистить, и ты его можешь надевать, то же и с брюками. А на ночь если тебе понадобится пройтись, прикажи выложить халат, в кот. гораздо удобнее и скорее можно одеться и теплее, и никто тебя не видит. Послушайся свою умную жену. Моешь ли шею? Меняешь ли фуфайку и etc...!?

Прости что пишу на клочках, завтра куплю почтов. бумаги. У нас в труппе все больные: Самарова, Качалов, Грибунии. У Качалова плевроитик, у Грибунии 39°, Самарова слаба вообще. Завтра вместо «В мечтах» идет «Дядя Ваня» с Лилиной. Репертуар ломается. Сегодня репетировали 4-й акт. Влад. Ив. [Немирович-Данченко] тоже простужен, сидит в пальто, в калошах, с горчицей в чулках и очень боится рецидива. Я вчера тоже зачихала, а сегодня до ужаса все спать хочется. Я без тебя гораздо меньше сплю. Я рада что ты теперь ре-

гулярно ешь, это меня очень беспокоило. Тепло ли тебе спать? Пьешь ли рыбий жир и креозот?

Я с ужасом ожидаю праздников. Как будет тоскливо! Скорее бы проходили. Сегодня поеду или слушать Никиша, или в кружок¹. Боюсь зря проехать в концерт, пожалуй только дорогие билеты остались. В кружке читает Игнатов: «Сцена и зритель». Скучно верно. Маша идет. Была сейчас m-me Коновицер, кокетничала с Вишневым. У Маши сидит Членов. После завтра он меня ведет гулять чтобы посмотреть девиц, эдаких, знаешь². Сегодня опять стужа. На улицах предпраздничная сутолока. Завтра у меня нет репетиции и я тоже пойду покупать подарки прислуге. В 3 час. послушаю у нас лекцию Боборыкина. Духов я пришлю тебе каких-ниб. новеньких. Все тебе кланяются, все о тебе спрашивают. Кто мог унести журналы, полученные без тебя? Дознайся. Как ты ешь? Хорошо? Умоляю питаться как следует. Говори Поле чего тебе хочется. Она с радостью все для тебя сделает, она обожает тебя. Кланяйся ей от меня.

Лаврик засох, но на отрезанном стволе появляются побеги. Я пересадила его аккуратненько в другой горшок, авось не пропадет — так жалко. Членов тебе

кланяется. Слыхал, что Шубинский в восторге от того, что ехал с тобою, что ты был весел и острел.

Как я буду завидовать Маше, когда она поедет в Ялту! Не забывай меня на праздниках, слышишь?

Крепко тебя обнимаю, моего дорогого, будь здоров весел, пиши, работай. Ко-

ротай время. Целую твою голову и красивые руки.

Твоя собака.

1. «Литературно-художественный кружок» — клуб.

2. Необходимость этих наблюдений обусловлена была исполнением О. Л. Книппер роли проститутки Насти в пьесе Горького «На дне».

3. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

11 дек[абря] 1902 г. Москва].

Здравствуй, дусик! Ты мне пишешь каждый день и я счастлива. Только, пожалуй, это первое время, а потом не будешь баловать. Что ты меня называешь и голубкой и цаплей — одновременно — мне очень нравится. Мне без тебя везде скучно, живу как то «пока». Т.-е. я не хандрю особенно, не кисну, не думаю. Смотрю на фотографию Ялтинского дома и думаю — не выглянешь ли ты в окошечко?

Вчера была все-таки в кружке. Читал реферат Игнатов. Оппонировали: Баженов, Шкляр, Котлецов, резюмировал Боборыкин. Как-то странно анатомировали и зрителя и театр, а об искусстве, о театре как будто и не говорили. У меня осталось такое впечатление. У Найденова тоже самое впечатление. Говорили напр. о том что театр развивает пассивность, т. к. зритель не может выражать сочувствие или несочувствие к тому, что происходит на сцене. К чему это? Конечно все клонилось к порицанию современного театра и репертуара, опять таскали слово «настроение». Говорили о Мейнингенцах, о театре Antoine'a, о нашем ни звука. Оканчивали речи словами: Да здравствует свет и да погибнет тьма! Говорили и пошлости, вроде того, что театр приятен только на сытый желудок, и что современный театр не дает ровно ничего, что он действует только

на эмоцию, а не на ум, не на чувство. — Пришла Кундасова, ужасно она истощена, жалуется на боль в сердце.

Все это писала перед обедом, а кончаю уже после спектакля. Милый ты мой! Дорогой ты мой! Играли «Дядю Ваню» с Петровой. М[ария] П[етровна] [Лилина] не может. Неужели она вся вышла! Как жалко ее! Народу было много в театре, принимали хорошо. Была Над. Ив. с Сашей и его женой — в восторге. Была старуха Садовская.

Вчера Маше хотелось ужинать в кружке — ну и я осталась, и раскаялась. С нами сидела М-те Коновицер и попеременно Бунин, Найденов и Членов. У них была своя компания. Я как-то потеряла всякую связь с людьми. Тоскливо и не знаю о чем говорить. Это нехорошо. У меня эдак сделается тяжелый характер. Маша говорит что я из гордости не хожу, напр. хоть к Телешовым, будто презираю их. Это ужасно несправедливо. Я их дичусь, потому что думаю, что я для них не представляю ничего интересного, а бывать только потому, что я жена литератора — странно. А потом — бывать у них, значит надо и у себя их принять. — Ну, все равно. Пора спать. Мне очень тоскливо, дусик. Почему то больно на душе. Спи покойно, родной мой. Я часто о тебе думаю. Целую и крещу мысленно.

Твоя Оля.

4. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

12 дек[абря] 1902 г. Ялта].

Актрисуля, здравствуй! Г-жа Швабе приходила, мыло я получил, спасибо тебе. По словам Альтшуллера, с которым я говорил в телефон, Швабе больна ча-

хоткой, серьезно. Сегодня пошла к тебе и рукопись Майер¹. Конечно, Майер очень хорошая женщина и ее дело — святое дело; если можно, то хорошо бы поговорить об ее отчете и в «Русской Мысли» и в ежедневных газетах, в «Но-

востях дня», если хочешь, но лучше бы и в «Русских Ведомостях». Кстати, скажи Эфросу², чтобы он высылал мне «Новости дня» в будущем 1903 году, и «Курьеру» тоже скажи. В «Курьере» власть имеет Леонид Андреев.

В Ялте стрельба. Холод нагнал сюда дроздов и их теперь стреляют, о гостеприимстве не думают.

Пишу я рассказ, но он выходит таким страшным, что даже Леонида Андреева заткну за пояс³. Хотелось бы водевиль написать, да все никак не соберусь, да и писать холодно; в комнатах так холодно, что приходится все шагать, чтобы согреться. В Москве несравненно теплее. В комнатах здесь холодно до гадости, а взглянешь в окно — там снег, мерзлые кочки, пасмурное небо. Солнца нет и нет. Одно утешение, что сегодня начинают дни увеличиваться, стало быть к весне пошло.

У меня ногти стали длинные, обрезать некому... Зуб во рту сломался. Пуговица на жилетке оторвалась.

На праздниках я буду писать тебе непременно каждый день, а то и дважды в день — это чтобы ты меньше скучала.

Матвей Штраух получил орден.

5. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

12 дек[абря] 1902 г. Москва.

Пишу тебе несколько строк только, родной мой. У меня адская головная боль, болит с утра, а репетиция была и днем и вечером.

Был Горький. Мною остались кажутся довольны. Вечером репетировали наверху, где устроена сцена для учеников.

6. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

13 дек[абря] 1902 г. Москва.

Ты дусик, упрекаешь меня за то, что пишу короткие письма. Да о чем писать?! Мне все кажется не особенно важным. Сильных впечатлений за это время не получала. Обществ. дела ты знаешь из газет. У меня только ты да театр. Тебя у меня нет, а театр переживает скверную полосу. Ныть? Жаловаться?

Сегодня приходили покупать Кучукой⁴. Я сказал, что это не мое дело, что скоро приедет Маша, к которой пусть и обращаются.

Я еще ни разу не был в городе!!

Обнимаю мою жену превосходную, порядочную, умную, необыкновенную [...], обнимаю и целую крепко.

Твой А.

Мать все ходит и благодарит за шляпу. Шляпа ей нравится очень.

1. Майер, петербургская сестра милосердия, прочитав книгу Чехова «Остров Сахалин», отправилась на Сахалин, где, преодолевая очень большие трудности, проработала среди осужденных шесть лет, создала там рабочий дом, народный дом с читальней и т. д. Несомненно, что отчет Майер о ее работе должен был доставить Чехову очень большое удовлетворение.

2. Н. Е. Эфрос (1867—1923) — театральный критик.

3. Высказывалось предположение, что речь здесь идет о рассказе «Волк», авторской переработке очерка «Водобоязнь», действительно «страшном» рассказе, хотя совершенно не в андреевском роде. Есть однако веские доводы против этого предположения.

4. Крошечное имение Чехова вблизи Фороса, на южном берегу Крыма.

Дусик мой, радость моя. Я тебя ласкаю и обнимаю и целую. Сегодня была у нас маманя и ужасно просила кланяться тебе. Маша у Желябужских. А я не дождусь как лягу — очень уж трещит башка, даже мутит. Целую тебя крепко и крещу тебя на ночь, [...]. Как мне скучно без тебя!

Твоя собака.

У меня вот второй день болит голова; сегодня легче, а все-таки болит [...], глотаю облатки, ем по часам. Тоскливо, неуютно засыпаю, и также просыпаюсь — без моего красивого, нежного мужа! В 9 ч. утра пью кофе и ем мед. Читаю две газеты: Русск. ведомости и Новости дня. Посмеюсь над статейками о психопатках.

Репетировали 4-ый акт. Наконец объявились Самарова, Качалов и Грибу-

нин. Присутствовал Горький и Леон. Андреев. Меня Горький хвалит. А я боюсь — очень я смело задумала. Выругают. Волнуюсь — не знаю — как выйдет. Маленькая роль, а нерв много на нее идет. Горький все пил красное вино, а я делала ему и Андрееву бутерброды с колбасой и пила чаем. Горький мне вчера рассказывал про свои скитальч. похождения, рассказывал как он с одной интересной барыней в саду в бане жил, как они голодали и потом, когда получил деньги украшали баню елками, за кот. сами в лес ездили. Барыня эта была старше его лет на 9, а то, говорит, мы бы до сих пор с ней жили. Рассказывал, как одна дама стреляла в него в упор и поцарапала только кожу на голове и еще много в этом роде рассказывал. Как сам он стрелялся, как его мужики чуть не до смерти избили¹. Он послал Сулержицк.² изрядный, кажется, куш денег. Тот хочет аптеку что ли купить, я не разобрала хорошенько, на ходу уж он мне рассказывал.

Вчера литераторы читали в концерте. Фурор произвел Скиталец³. Андреев говорит, что он [...] читал как-то особенно. Его качать хотели, но мог бы произойти фридрих. Телешов хорошо читал, а Найденов плохо. В Воскресенье я собираюсь вечером к Андреевым. — Знаешь кто у нас был сегодня и сидел вечером? — Эберле. Она очень похудела, помолодела, славная такая. Разошлась с мужем, по видимому счастлива. Много они с Машей о старине говорили и вспоминали. Был Вукол Лавров с супругой, приехали из Соч, и хвалят очень. Вукол очень сердится на тебя, что ты ему ни слова не пишешь. Отчего? Напиши ему. Была Дроздова, заходил Иван⁴ перед баней. С Инночкой я с аппетитом музыканила после обеда. Вишневский [...] два дня уже не обедал у нас. Вчера был на обеде а сегодня Стахович увез его обедать. Стахович очень тебе кланяется и жалеет что не видит тебя в Москве. Сборы в театре поднялись. Власть тьмы и Мещане дают больше.

Понравилось ли тебе письмо Толстого⁵ в газетах? Мне — да. А тебе жалко что поймали Эмберов⁶? Мне жалко.

Была у нас в театре Климентова и просила тебе передать что если будешь в Париже, чтобы навестил их. Они уже второй год там. Муромцев читает в Высшей школе (так ее называют?).

Я страшно огорчена, что не услышу Манфреда с декламацией Шаляпина и Коммисаржевской. Завтра вечером идут «Сестры» а после завтра днем (повтор. концерта) генеральная 3-его и 4-ого актов. Это ужасно. Были некоторые на генер. репетиции сегодня и говорят что это что-то необычайно красивое. Как сумасшедшие ходят. Объявился еще чудоскрипач Ян Кубелик — гениальный говорят. И я ничего не слышу.

Ну, кончаю, Антонка, если мои письма и не томики, то все таки они нежные — разве нет? Ведь пишу каждый день зато. Пишу обо всем.

Целую тебя крепко, [...] и ужасно хочу почувствовать тебя около себя, услышать голос твой, смех твой. Получила ли мамаша шляпу?

Обнимаю крепко и целую.

Твоя Оля.

1. Многое из перечисленных здесь устных рассказов Горького вошло впоследствии в его мемуары («Мои университеты» и др.).

2. Леопольд Антонович Сулержицкий — один из режиссеров Художественного театра, человек большого таланта, исключительного личного обаяния и весьма сложной биографии.

3. На литературно-музыкальном вечере в пользу общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве и переселенцев Челябинского пункта Скиталец прочел свое стихотворение «Гусляр». Богач приглашает гусляра спеть грустную песню, которая смыла бы слезой его грешную душу, на что гусляр отвечает:

Не спюю я вам песни такой,
Чтобы вас очищала собой!
Пусть лежит у вас на сердце тень!
Песнь моя не понравится вам:
Зазвенит она, словно кистень
По пустым головам.

Скиталец этим своим стихотворением вызвал бурю восторгов. На bis Скиталец стал читать еще более резкое по содержанию стихотворение. А так как вдобавок он вышел на эстраду зеркального зала «Благородного собрания», вопреки всем традициям, в блузе, а не во фраке, то представитель полиции прервал чтение и заявил, что прекращает концерт. Разразился скандал. Ответ-

ственный устроитель концерта Л. Андреев был даже привлечен к суду, который впрочем вынес ему оправдательный приговор.

4. Иван Павлович Чехов, брат Антона Павловича.

5. В связи с появлением в газетах сведений о здоровье Толстого, очень сильно хворавшего в 1902 г., он помес-

тил в «Русских ведомостях» письмо с просьбой не печатать в газетах таких сведений, ему неприятных.

6. Ловкие авантюристы, муж и жена, герои грандиозного судебного процесса во Франции. Тереза Эмбер вела себя и до ареста и во время суда так ловко, что многие считали ее невинной жертвой клеветы.

7. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

[14 декабря 1902 г. Москва].

Голубчик мой, дорогой мой, bonjour! Пишу после «Трех сестер». Валюсь от усталости.

Днем репетировали (генеральн.) 1, 2 и 4-й акты. Влад. Ив. прочел нотацию всей труппе, очень толковую и очень внушительную. Упрекал в распушенности, в неряшливой игре. Все остались довольны 4-ым актом. У меня на него много сил уходит. Я своей фигурой заканчиваю пьесу. Помнишь? Среди всеобщего веселия, во время песни вбегает барон, говорит что актер повесился. Я по стенке леплюсь за ним с искаженным от ужаса, помертвевшим лицом. Это очень трудно — без слов. Я нашла сегодня это выражение и так и иду прямо на публику, пока занавес не преградит мне путь. Говорят — страшно. У Самаровой идет нехорошо, т.-е. просто она не может, а роль чудесная. Клещ слабоват, у Лужского говорят, по дикции нехорошо, не разберешь слов.

Ах, дусик, если бы ты мог посмотреть репетицию! Горький меня хвалит, велел сняться в роли Насти и дать ему портрет. А мне все что-то страшно, хотя играю я убежденно. Моя Настя — реальная, несчастное существо, а не выдуманная идеалистка. Ну, что бог даст. Увидим.

На днях уезжает Маша и я остаюсь

одна. Я заматалась немного и нервлюсь перед новой пьесой. Сейчас же после Дна начинают Столпы¹.

Как ты живешь, ненаглядный мой? Сегодняшнее письмо какое-то пустое, не то что-то. Ты здоров? Работаешь? Пишешь рассказ? Куда поместишь? Напиши мне. Как бы я хотела на ковре-самолете перелететь к тебе, посмотреть в твои глаза, прочесть в них что ты любишь меня, сказать что и я люблю тебя [...].

Как мне разорваться?! Я должна быть при тебе, ты один для меня что-то значишь. Ты знаешь — я очень седею, верно оттого что разрываюсь. Ты тоже милый и хороший когда я с тобой. Особенно хороший. Дусик, а мы все еще в любви объясняемся! Мне это нравится. Пусть наше чувство всегда будет свежее, не затрепанное, не серое. — В доме благополучно. Предлагает бар. Стюарт поменяться квартирами: он живет над бель-этажем, комнаты больше и все на солнце. Как ты думаешь? И в Сандун. пер. выходит. Напиши. А теперь, спи покойно, будь здоров, весел. Целую тебя крепко много, много раз. Мамаше кланяйся и всем домочадцам.

Твоя Оля.

Фомка благодарит и отвечает тем же.

1. Пьеса Г. Ибсена «Столпы общества».

8. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

14 декабря [1902 г. Ялта].

Дуся моя, замухрыша, дети у тебя будут непременно, так говорят доктора. Нужно только, чтобы ты совсем собралась с силами [...], не достает у тебя мужа, который жил бы с тобой круглый год. Но я так и быть уж, соберусь как

нибудь и поживу с тобой годик неразлучно и безвыездно, и родится у тебя сыночек, который будет бить посуду и таскать твоего такса за хвост, а ты будешь глядеть и утешаться.

Вчера я мыл голову и вероятно немножко простудился, ибо сегодня не мо-

гу работать, голова болит. Вчера впервые пошел в город, скучища там страшная, на улицах одни только рожи, ни одной хорошенькой, ни одной интересно одетой.

Когда сяду за «Вишневый сад», то напишу тебе, собака. Пока сижу за рассказом, довольно не интересным — для меня по крайней мере; надоел.

В Ялте земля покрыта зеленой травкой. Когда нет снега, то приятно смотреть.

Получил от Эфроса письмо. Просит написать, какого я мнения о Некрасове. Это же нужно для газеты. Противно, а придется написать. Кстати сказать, я очень люблю Некрасова и почему то ни одному поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Так и напишу Эфросу¹.

Ветрище дует жестокий.

Фомке холодно теперь ехать в Ялту, но быть может его можно провезти какнибудь в вагоне, или быть может собачье отделение отапливается. Если Маша не возьмет его с собой, то быть может возьмет Винокуров-Чигорин, грузинский учитель, который сегодня выехал в Москву.

У свиньи, которую ты дала мне, облупилось одно ухо.

Ну, светик, господь с тобой, будь умницей, не хандри, не скучай и почаще вспоминай о своем законном муже. Ведь, в сущности говоря, никто на этом свете не любит тебя так, как я, и кроме меня у тебя никого нет. Ты должна помнить об этом и мотать на ус. Обнимаю тебя и целую тысячу раз.

Твой А.

Пиши поподробнее.

1. В конце 1902 года газета «Новости дня», по случаю 25-летия со дня смерти Некрасова, произвела анкету среди выдающихся представителей литературы и искусства по вопросу: «Отжил ли Некрасов?». 27 декабря напечатан был ответ Чехова: «Я очень люблю Некрасова, уважаю его, ставлю высоко и, если говорить об ошибках, то почему то ни одному русскому поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Долго ли он еще будет жить, решить не берусь, но думаю, что долго, на наш век хватит; во всяком случае о том, что он уже отжил или устарел, не может быть и речи». Этот краткий отзыв Чехова о Некрасове имеет тем большее значение, что он — единственный у Чехова, по существу же он очень важен, устраняя возможность принципиально противопоставлять Чехова так называемой «гражданской литературе», ярчайшим представителем которой является Некрасов.

9. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

15 дек[абря] 1902 г. Ялта].

Любимая моя женщина, сегодня получил твое письмо на двух листочках. Вот ответы на твои вопросы. Рыбий жир и креозот я пью исправно, ибо это почти единственное мое занятие. Халата у меня нет; прежний свой халат я кому то подарил, а кому не помню, но он мне не нужен, ибо по ночам я не просыпаюсь. За все время мой пиджак был вычищен только один раз. Теперь, чтобы ты не сердилась, приму меры. Голову мыл недавно. Рубаху переменял сегодня. Чулки сейчас переменяю, сию минуту. Но вот полотенца, мне кажется, не годятся. Они становятся мокрыми, едва возьмешь их в руки; вероятно, это из дешовых. Мне нужны полотенца покороче, поглубже, потолще и поширшее.

Сегодня ночью выпал снег. Довольно паршиво в природе.

Дусик, если ты мне жена, то, когда я приеду в Москву, распорядись сшить мне шубу из какогонибудь теплого, но легкого и красивого меха, например, хоть из лиры. Ведь московская шуба едва не убила меня! В ней три пуда! Без легкой шубы я чувствую себя босяком. Постарайся, жена! Отчего в этот приезд я не сшил себе шубы, понять не могу.

На праздниках я буду писать тебе каждый день, будь покойна. Мне самому хорошо, когда я пишу тебе. Ведь ты у меня необыкновенная, славная, порядочная, умная, редкая жена, у тебя нет ни одного недостатка — с моей точки зрения по крайней мере.

Впрочем, есть: ты вспыльчива, и когда в дурном настроении, то около

тебя опасно ходить. Но это пустяки, это пройдет со временем. Есть у нас один общий с тобой недостаток — это то, что мы с тобой поздно женились.

В прошлом году и ранее, когда я просыпался утром, то у меня обыкновенно было дурное настроение, ломило в ногах и руках, а в этом году ничего подобного, точно помолодел.

10. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

16 дек[абря] 1902 г. Москва.

Милый мой, ты вчера не имел письма от своей беспутной жены. На коленях молю о прощении. Простишь? Вчера были две репетиции а после вечерней ездили с Машей к Леон. Андрееву.

Все тебе еще холодно в комнатах, что это значит? Чем же, и как надо нагревать? Мысленно стригу тебе ногти, а пуговицу пришьет тебе Настя, отдай и скажи. Какой зуб сломался и отчего?

Господи, как нелепа наша жизнь!

Дорогой мой, ты хочешь писать мне каждый день на праздниках, чтобы мне не было скучно. Какой ты чудесный, хороший. Мне много предстоит играть, очень много. И кроме того репетировать Столпы, входить в новую шкурку, сживаться с новой ролью.

Спрашиваю себя: что заставляет меня так нервно жить? Кому это надо? Что я имею от всего этого? Я сама? Ведь нет чувства, что я живу полной жизнью. Наоборот, чувствую что я не живу совсем, что жизнь проходит где-то далеко от меня, а я живу только пробелы. И душа как-то горит, беспокойно горит, и не с кем поговорить, ни от кого слова хорошего не услышишь. Около тебя я смиряюсь и жизнь мне не кажется мелочной. Если бы я могла отдохнуть у тебя на груди! У меня так нервы натянуты это время! Ты не смейся только надо мной. Тебе ведь все это кажется неважным. Да верно оно так и есть.

Вчера от репетиции до репетиции я лежала. Очень я обалдеваю после 4-ого акта. Голова у меня стала рассеянная страшно. Все забываю. Впечатление

Получил письмо от Вишневского; скажи, что буду отвечать ему на праздниках.

Обнимаю мою дусю целую и благоговяю.

Пиши мне подробнее, не ленись. Теперь уже дни стали прибавляться, к весне пошло, скоро значит увидимся. Ну, господь с тобой.

Твой А.

4-ого акта говорят ужасное. Сегодня была полная генеральная. Никого не пускали. Были Горькие, Найденов, Тимковский, Пчельников. Надежда Ив. была, и сидела совсем подавленная. Екат. Павл. никак не ожидала такого впечатления и ходила как потерянная. Посмотрим что скажет публика. Ничего как-то сказать нельзя, или угадать. Горький очень нервится. Мне сегодня по секрету сказал Вишневский, что Горький поручил ему устроить грандиозный ужин в Эрмитаже после «Дна», человек на 50. И чтобы шампанское рекой лилось. Вó как. И всем дамам цветы. И вдруг — неуспех!

А далеко ехать к Андреевым — на Среднюю Пресню! Точно в другом городе. А там славно. Чисто, по улице деревья, домики деревянные, уютные, точно в провинции. Квартирка у них небольшая. Были там Горькие, Переплетчиков, кот. ты знаешь, две матери Андреева, его и ее, какие-то дамы, дочь д-ра Яковенко, которого ты знал, говорит Маша, адвокат Н, и еще какие-то. Было довольно кисло. Горький читал стихи Беранже. За ужином читал стихи Бальмонта и смеялись много над некоторыми. Андреев был в красной рубашке, жена его с такими же гребешками и в том же капоте. Она скоро ожидается. Счастливая. Говорили о концерте с литераторами, об успехе Скитальца.

Ты пишешь страшный рассказ? На какую тему? Где будет помещен? Это ничего что страшный, это хорошо. Пришлешь мне? Не поступишь так, как с Архиереем, кот. я прочла чуть не последняя. Это мне больно. Я каждый вечер в постели прочитываю один

твой рассказик, и мне кажется тогда, что я поговорила с тобой. Мне сегодня поплакать хочется.

Сегодня была Софья Влад.¹ с Володей², был Членов, был Желябужский, кот. хлопчет для Маши место в поезде. Я не люблю его, не люблю его любезности.

С отчетом съезжу к Гольцеву и к Солеву, устрою.

О Володиной свадьбе напишу. Мама говорит, что он очень невеселый.

Сейчас приходила Зина и говорила,

что приедет Костя брат. Я ужасно рада; он будет жить у меня. Ведь я одна. Много с ним будем говорить, и переживем много.

Ну, душик милый, пойду на отдых, поболтаю с тобой. Володя очень подружился с Фомкой сегодня. Будь здоров. [. . .] Целую ненаглядного моего мужа, бесподобного, [. . .].

Твоя Оля.

1. София Владимировна Чехова — жена И. П. Чехова.

2. Сын С. В. и И. П. Чеховых.

11. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

17 дек[абря] 1902 г. Ялта].

Актрисуля моя здравствуй! Последние два письма твоих не веселы: в одном мерлехлюндия, в другом — голова болит. Не надо бы ходить на лекцию Игнатова. Ведь Игнатов бездарный, консервативный человек, хотя и считает себя критиком и либералом. Театр развивает пассивность. Ну, а живопись? А поэзия? Ведь зритель, глядя на картину, или читая роман, тоже не может выражать сочувствие или несочувствие тому, что на картине или в книге. «Да здравствует свет и да погибнет тьма!» — это ханжеское лицемерие всех отсталых, не имеющих слуха и бессильных. Баженов — шарлатан, я его давно знаю. Боборыкин обозлен и стар.

Если не хочешь ходить в кружок и к Телешовым, то и не ходи, дуся. Телешов милый человек [. . .]; вообще с ними со всеми, имеющими прикосновение к литературе, скучно, за исключением очень немногих. О том, как отстала и как постарела вся наша московская литература, и старая, и молодая, ты увидишь потом, когда станет тебе ясным отношение всех этих господ к ересям Художественного театра, эдак годика через два-три.

Ветрища дует неистовый. Не могу работать! Погода истомила меня, я готов лечь и укутить подушку.

Сломались трубы в водопроводе, воды нет. Починяют. Идет дождь. Холодно. И в комнатах не тепло. Скучаю по

тебе неистово. Я уже стал стар, не могу спать один, часто просыпаюсь. Читал в Пермском Крае рецензию на «Дядю Ваню»: говорится, что Астров очень пьян; вероятно, ходил во всех четырех актах пошатываясь. Скажи Немировичу, что я не отвечал до сих пор на его телеграмму, так как не придумал еще, какие пьесы ставить в будущем году. По моему мнению, пьесы будут. Три пьесы Метерлинка не мешало бы поставить, как я говорил, с музыкой. Немирович обещал мне писать каждую среду и даже записал это свое обещание, а до сих пор ни одного письма, ни звука.

Если увидишь Л. Андреева, то скажи, чтобы мне в 1903 г. высылали «Курьер». Пожалуйста! И Эфросу скажи насчет «Новостей дня».

Умница моя, голубка, радость, собака, будь здорова и весела, господь с тобой. Обо мне не беспокойся, я здоров и сыт. Обнимаю тебя и целую

Твой А.

Буду получать «Гражданин». Получил от А. М. Федорова книжку стихов. Стихи все плохие (или мне так показалось), мелкие, но есть одно, которое мне очень понравилось. Вот оно:

Шарманка за окном на улице поет.
Мое окно открыто. Вечереет.
Туман с полей мне в комнату плывет.
Весны дыханье ласковое веет.
Не знаю, почему дрожит моя рука.
Не знаю, почему в слезах моя щека.
Вот голову склонил я на руки. Глубоко
Взгрустнулось о тебе. А ты... ты так
далеко!

12. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

18 дек[абря] 1902 г. Москва].

Дорогой мой Антончик, ненаглядный, любимый мой! Пишу на вокзале. Уезжает Маша. На душе смутно. На дворе слякоть, но тепло, хорошо, выше нуля. Как бы я покатила к тебе!

Как твоё здоровье? Как настроение? Все ли в порядке?

Вчера ночью не писала тебе — очень растрепанная была. День бегала за покупками, потом в театре лакировали «Дно» — последние штрихи. Вечером играла Дядю Ваню. Батюшков поднес мне корзину цветов.

Посылаю тебе духов, конфет, чашечку с сюрпризом, напиши что там от-

кроется? Посылаю два полотенца, толстые, напиши понравятся ли? Мамаше посылаю карты и одеколон.

Сегодня играем Дно. Волнуются. Ночь, значит, кутить будем. Горький говорит — Скитальца возьмет с гусями. Все опишу. У меня теперь трепанный период.

Прости меня, дусик. Мой нежный, хороший. Маша расскажет все про нашу жизнь.

Целую тебя крепко, нежно. [. . .]. Обнимаю.

Твоя собака.

Сегодня будут у меня Иксуль с Батюшковым.

Целую.

13. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

19 дек[абря] 1902 г. Ялта].

Милая актрисуля, писать длинное письмо нельзя: был у зубного врача, утомился очень, точно измочалился. Прости, дусик. Завтра сяду и накаатаю тебе длинное письмо.

У меня М-те Бонье. Вчера была Ольга Михайловна, к которой я поступаю в испанцы. Ведь ты ничего не имеешь против?

Я работал, был в ударе, но в последние 4—5 дней ничего не делаю, так как зубы дали себя знать да и заминка в рассказе вышла.

Обнимаю тебя и целую. Ты точно удивляешься, что наши письма нежны. Как же иначе, цапля? Разве ты меня не любишь? Ну, господь с тобой.

Твой А.

14. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

20 дек[абря] 1902 г. Москва] утро.

Я целую вечность не писала тебе, дорогой мой, милый, ненаглядный! Что ты думаешь обо мне? Дусик, только не сердись. Просто переволновалась, переутомилась.

Вчера получила два письма сразу и каких чудесных! Там такие есть хорошие слова, какие только ты можешь сказать.

И так, сыграли «На дне». С огромным успехом для Горького и для театра. Стои стоял. Было почти тоже, что на 1-м представлении Чайки. Такая же победа. Горький выходил после каждого акта по несколько раз, кланялся смешно, убегал при открытом занавесе. Публика неистовствовала, лезла на рампу, гудела. Играли все ровно, хорошо, постановка без малейшего шаржа, без

утрировки. Я играла напряженно, нервно и потому перегрубила образ. Вчера уже играла по старому. Я в последние дни была в каком-то дурацком нервном, возбужденном состоянии. В день спектакля беспокойно провела день, не спала, не ела, а в таком состоянии никогда не могу играть как надо — спокойно и мягко. Ругнут в газетах, это ничего. Москвин имеет огромный успех. Он удивительно хорошо и мягко играет Луку, все хочется его слушать. Качалов превосходен. К. С. [Станиславский] местами очень хорош, но сам он не доволен, хотя его и хвалят. Я, говорит, просто ходил и говорил сам собой, не создал ничего. Главная то красота спектакля та, что не сгущали краски, было все просто, жизненно, без трагизма. Декорации великолепны. Театр наш снова

вырос. Если-бы «На дне» прошло серенько — мы бы не поднялись еще года два на прежнюю высоту. А К. С. все таки мечтает о «Вишневом саде» [...]. Из газет из всех ты увидишь каков был успех и как радуются наши доброжелатели.

В день спектакля, после того как я приехала с Кундасовой с вокзала — у меня были Батюшков, В. И. Иксуль и Морозов¹. Батюшков накануне видел первый раз «Дядю Ваню» и в страшном восторге, и когда был у Стороженко, то напомнил ему, как они все восставали против выстрела в 3-м акте². Батюшков находит, что выстрел этот настолько необходим, что, еслибы, говорит, Дядя Ваня не выстрелил, я бы из публики сделал тоже самое. Он просто в восторге от всей пьесы, от ее красоты. Видно, что он, действительно, наслаждался. Был при них и Винокуров Чигорин. Вот ему повезло! Пристал, чтобы я устроила его на спектакль. Я ему говорю, что это почти невозможно на 1-м представлении. Но он комично приставал. Иксуль тогда попросила Батюшкова перейти к ней в ложу а ему отдать свой билет, т. ч. ошастливленный учитель сидел во 2-м ряду. Он чуть не заплакал от радости. Везет человеку.

После 1-го представления мы все кутили в Эрмитаже. Было очень неприужденно, просто, без речей, т. е. без серьезных. Были все наши, была Иксуль, Батюшков, Леон. Андреев с супругой, Бунин, Найденов, Скиталец, Крадиевская.

Ужинали в колонном зале. Все были довольны, веселы, с легкой душой. Говорил только Влад. Ив. но не торжественно, а шутливо, просто, копируя Горького, т. к. тот поручил ему говорить. Смеялись. Скиталец играл на гуслях и пел. Играли на гармонике, на балалайке, плясали русскую, все, кому хотелось. Пели цыганские песни, пили коньяк. Дусик, я выпила рюмку водки, бокал шампанского и рюмочку коньяку в конце. Ничего? Я решила сидеть до последней минуты, т. к. не могла подумать вернуться одной в пустую квартиру, после такого повышенно-

го настроения. Досидела до 7-ми час. утра, дождалась газет. Может еще и дольше просидели бы, еслибы не скандал. Баранов³ начал орать, бить рюмки и тарелки и орать. Это так было противно, гадко, что передать не могу. Меня затрясло и я бегом выскочила из залы в переднюю. Влад. Ив. довез меня до дома. Окончилось, как видишь скандалом. С оставшимися дамами говорят, сделались обмороки, истерики. Сцепились Морозов с Скитальцем, с Барановым. Вся труппа возмущена хамством Баранова. — Я совсем не спала. Пролетала до 12 час. пошла в баню, выкупалась, потом легла с книгами на диван, читала, но не заснула. Потом пришел Членов, Вишневский, Влад. Ив. Говорили, вспоминали. За твое здоровье здорово пили и орали в Эрмитаже. Все лобызали меня и чокались. Как мне было обидно, горько, что ты не был со всеми нами. Как я тебя вспоминала! Дорогой мой, тихий мой, золотой мой человек. Теперь опять аккуратно буду писать каждый день. Как вернется Влад. Ив. из Петербурга (уехал вчера) примемся за «Столпы». Вчера играли ровнее, мягче. Горького опять выпускали после каждого акта. Шум и гам. — Целую тебя крепко, обнимаю, шепчу на ухо тепленькие нежные слова.

Твоя собака.

1. Савва Тимофеевич Морозов — фабрикант. Много помогал Художественному театру, упрочил его финансовое положение, перестроил здание театра. В качестве директора принимал большое участие в создании техники театра, в постановках и т. д.

2. Когда Чехов отдал «Дядю Ваню» для постановки в Московский Малый театр, то театрально-литературный комитет последнего (в состав его входил и профессор Н. И. Стороженко) решил, что без внесения некоторых изменений в пьесу она поставлена быть не может. В частности, выстрел Войницкого в Серебрякова нашли «немотивированным». Чехов на это не согласился и отдал пьесу Художественному театру, где она прошла одним из наиболее сильных спектаклей.

3. Николай Александрович Баранов — исполнитель роли Тетерева в пьесе Горького «Мещане» в Художественном театре; впоследствии совершенно спился и опустился.

15. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

20 дек[абря] 1902 г. Ялта].

Милый дружок мой, сегодня получил от Алексеева [Станиславского] телеграмму такого содержания: «Пьеса Горького и театр имели большой успех. Ольга Леонардовна прошла для тонкой публики первым номером». Радуйся, дусик. Муж твой очень доволен и выпьет за твоё здоровье сегодня же, если только Маша привезет с собой портеру.

У меня теперь возня с зубами. Неизвестно, когда кончится вся эта глупая музыка. Вчера получил от тебя письмо почти распечатанное (опять!), а сегодня у меня грустный день, так как Арсений не принес с почты твоего письма. И погода сегодня грустная: тепло, тихо, а весной и не пахнет. Сидел на балконе, на солнышке и все думал о тебе, о Фомке, о крокодилах, о подкладке на пиджаке, которая рвется. Думал о том, что тебе нужен сынишка, который занимал бы тебя, наполнял бы твою жизнь. Сынишка, или дочка будет у тебя, родная, поверь мне, нужно только подождать, прийти после болезни в норму. Я не лгу тебе, не скрываю ни одной капли из того, что говорят доктора, честное слово.

Миша¹ прислал сельдей. Еще что со-

общить тебе? У нас опять много мышей. Каждый день ловлю в мышеловку. И мыши вероятно уже привыкли к этому, так как относятся благодушно, уже не боятся этого. А больше писать не о чем, ничего нет или по крайней мере не видно, жизнь проходит тускло и довольно бессодержательно. Кашляю. Сплю хорошо, но всю ночь вижу сны, как и подобает лентяю.

Пиши мне, деточка, всякие подробности, чтобы я чувствовал, что я принадлежу не Ялте, а северу, что жизнь эта, унылая и бессодержательная еще не проглотила меня. Мечтаю приехать в Москву не позже первого марта, т. е. через два месяца, а будет ли это так, не знаю. Храни тебя бог, жена моя хорошая, собака рыжая. Вообрази, что я беру тебя на руки и ношу по комнате часа два, и целую и обнимаю. Поклонись маме, дяде Карлу, дяде Саше, Володе, Элле, Зине... Алексеева поблагодари за телеграмму.

Завтра буду писать. Спи спокойно, радость моя, ешь как следует и думай о муже.

Твой А.

1. Михаил Павлович Чехов — брат Антона Павловича.

16. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

20 дек[абря] 1902 г. Москва] ночь.

Я, тебе, дусик, уже писала сегодня и письмо отправила прямо на поезд с Иваном. Перед сном опять хочу поболтать с тобой. Теперь Маша уже приехала и болтает с тобой и рассказывает. Ты рад? Тебе веселее?

Я сегодня слушала Лоэнгина в Больш. театре, слушала в самой патриархальной обстановке — с мамашей, с тетей и с Надежд. Ивановой в ложе. Пел знаменитый Ван-Дейк. Артист и певец большой, крупный, хотя и не первой молодости. Он производит удивительное впечатление полной красоты в манере петь и играть. А сам — нельзя сказать чтобы красив. Чувствуется кровь европейская не русская. Наши ру-

саки такие все были матрешки рядом с ним. Весь эластичный, пластичный, что ни движение, что ни поза — все красиво. Школа крупная чувствуется. Мама плакала. Это певец в ее вкусе вполне. Пел он по французски и удивительно хорошо, хотя трудно по французски петь. Остальных не хотелось слушать.

Я сегодня была днем у мамы, обедала там. Володя простужен сидит дома и Эля тоже с ангиной. Мне смешно что они женятся. Я так привыкла смотреть на них как на женатых уже. Венчают их 27-ого, потом обедают в Эрмитаже. Какая тоска. Мне кажется, им самим смешно, что они венчаются.

После театра все пили у меня чай и закусывали. Мама ходит умиленная и точно оторванная от земли. Николаша

сидел в партере и плакал от музыки и я это понимаю. От Лоэнгрина можно плакать, отрадно плакать. Он говорит что эта музыка — евангелие, и что человек должен так жить, по этому евангелию.

Слякоть на улице ужасная. Все течет, ползет, $+3^{\circ}$. Ужасно пакостно. Фомка, Шнап — тож, отличный пес, только иногда оставляет визитные карточки; прощается ему до года. Не лает много, приветлив, смешон. Лаврик кажется не совсем пропадет, дает росто-

ки. Я рада; а то так жалко, если пропадет.

Ну, родной мой, спать хочу. Крещу тебя и целую дорогие мои глаза и умный лоб и щеки [. . .]. Поздравляю тебя с именинницей. Пожалуй мамаша получит мое поздравление накануне. Ну, ничего; лучше раньше чем позднее. Целую и обнимаю крепко крепко.

Твоя Оля.

Кланяйся Маше и матери.

17. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

21 дек[абря] 1902 г. Ялта.

Актрисуля, опять я сегодня не получил письма. Ну, делать нечего, посидим и без письма, как курильщики сидят иногда без табаку. Получил известие от Гнедича, что за «Чайку» я буду получать не 8, а 10%, что «Чайка» делает хорошие сборы и проч. и проч. Получил письмо от Суворина — на двух листах. Кстати сказать, Старый Театрал, пишущий в Новом Времени — это он, Суворин. В каждой статье бранит Станиславского, который очевидно мучит его и снится ему каждую ночь.

Я еще не имею сведений насчет «На дне», но знаю, что пьеса идет чудесно. Значит, сезон спасен, убытков у Вас не будет, хотя и убытки не были бы большим злом, как мне кажется, ибо ваш театр стоит очень прочно, хватило бы на долго.

За духи кланяюсь тебе в ножки. За конфеты, которые раскисли, целую мою дусю. В чашке оказался сюрприз весьма неважный — Эйфелева башня, ценою в грош. Полотенец не видел, Маша отправила в стирку. Духи очень хороши.

Теперь уже прздники, поздравляю тебя, голубчик мой. Тебе скучно? Ты теперь одна на всю квартиру и это меня беспокоит немного... Когда ты уходишь, с 6 часов вечера Ксения играет на гармонике — и это каждый вечер, я истомился. Кабацкая манера. Это останется вероятно и теперь, и теперь каждый вечер наша квартира полна звуков. Зину взяла бы к себе на праздники, что ли. Я очень беспокоюсь; прости меня, что я не живу с тобой, в будущем году все будет в порядке, я буду с тобой, это непременно.

Однако буквы и строки кривые, надо зажечь свечку. Зажог.

Пиши мне, каждый день пиши, по крайней мере в эти дни.

Целую тебя, родная, и обнимаю, господь с тобой. Посылаю шубу за границу¹, Арсений идет на пристань. Пиши!

Твой А.

1. Чехов возвращал своим знакомым в Ницце шубу, которую ему дали, выйдя внезапно наступивших холодов, во время последнего его пребывания за границей.

18. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

21 дек[абря] 1902 г. Москва] 12 ч. ночи.

Какие ты мне стихи-то прислал, дорогой мой, любимый! Я заплакала. Знаю, почему они тебе по душе. Бедный ты мой, далекий, милый. И какая я дрянь!

Хоть бы кто помог мне разрубить мою жизнь!

[. . .].

Погода все скверная? Какая гадость. Я думаю, что тебе только это кажется. Не все же время дождь и холод.

У нас наконец, подморозило. А то невозможно слякотно было. Я начала спать покрепче, стала спокойнее, а то как-то нутро горело — а в таком состоянии кажется всего натворить можно. Сегодня играли «На дне». После 1-ого акта орал автор. Никол. Григ. [Александров] вышел и сообщил что автор выбыл из Москвы. Нахально кричат из публики: «неправда, он здесь, вон стоит». Мы больше не выходили. После 3-его акта аплодировали слабее, а после 4-ого — очень хорошо и много. Я играю лучше, легче. Во время 2-ого акта лежу у себя, читала сегодня Столпы. Днем разбирали 1-ый акт. Декорация будет красивая — много места, воздуха. Роли перетасовали. Жену Берника играет Лилина, а в подмогу ей — Андреева. [. . .].

Сейчас только вспомнила, что это письмо получишь в первый день празд-

ника. Поздравляю милый ты мой, радость моя. Не скучай, не тоскуй. Когда мы снова увидимся, — что это будет!!! [. . .].

Пиши рассказ, пиши страшный рассказ. Пришли мне когда напишешь. Не забывай меня. [. . .].

Штраух меня насмешил: прислал письмо по немецки писанное на Ремингтоне, благодарит за себя и за жену за то огромное удовольствие, кот. он получил*. Расписался сам по русски. Не смешно ли? Таубе тоже был.

Я скверно пишу сегодня, прости, милый. [. . .] Целую и люблю

Твоя Оля.

Какой сюрприз оказался в чашке с шоколадом? Кланяйся Маше и мамаше.

* Я послала ему опять билет на Дню.

19. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

22 дек[абря] 1902 г. Ялта].

Милый мой пузик, сегодня пришли газеты с «На дне», я теперь вижу, какой громадный успех имел ваш театр. Значит, наверное можно сказать, до конца сезона вы продержитесь с хорошими сборами и в отличном настроении. Только были бы все здоровы. А я вот сегодня раскис, придется вероятно принимать свое дешовое лекарство — oleum piscini. Идет дождик, ты далеко, немножко грустно, но все же чувствую себя лучше, чем в прошлом году.

«Столпы» едва ли будут иметь заметный успех, но теперь вам все равно, вам теперь море по колено! Теперь что ни поставите в этом сезоне, все будет хорошо, интересно.

Ну как, деточка моя, проводишь праздник? Я рад, что приехал твой брат, теперь мне не страшно за тебя; только не пускай его никуда, пусть у тебя живет.

Мне ужасно хочется написать водевиль, да все некогда, никак не засяду. У меня какое то предчувствие, что

водевиль скоро опять войдет в моду.

Завтра иду к зубному врачу, боль будет вероятно неистовая. А у врача руки не умытые, инструменты нечистые, хотя он и не дантист, а настоящий врач. Опиши ужин после «На дне», что вы там съели и выпили на 800 р. Все опиши возможно подробнее. В каком настроении Бунин? Похудел? Зачах? А Скиталец все болтается без дела?

Вчера вечером сообщили мне по телефону, что у Л. Средин температура 39. Вообще больные чувствуют себя неважно, погода скверная. Разве Бальмонт в Москве? Ты его видела? [. . .]. Вообще страстный человек.

Я целую тебя [. . .] ласкаю долго и, взявши голову твою на руку, согнутую калачиком, слушаю, о чем ты говоришь мне.

Поздравлял ли я тебя с праздником? Да?

Твой А.

Мать очень довольна шляпой и до сих пор благодарит тебя.

20. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

22 дек[абря] 1902 г. Москва].

Дусик, здравствуй! Как живешь? Как настроение, как думы? Хорошо ли ешь, спишь? Как встретили праздник, как провели первый день? Маша отдыхает небось от Москвы? А мне о праздниках и думать не хочется. Лишняя только суета. Я все дни почти играю. 1-ого думаю пойти посмотреть Монну Ванну. Сейчас в театре Желябужский просил в кружке продавать в киосках, на костюмированном вечере, что-ли. Чтобы отстал, я дала слово, но не пойду. Мария Федор. [Андреева] будет продавать. Ах, милый, как что-то скучно! Ужасно хочется уехать куданибудь хоть дня на два. Побегать бы на лыжах по белому снегу, подышать чистым воздухом, встряхнуться. Все не то, не то в жизни.

Сегодня я написала Сулержицкому, послала ему снимки ночлежки из Новостей. Ему верно будет приятно.

Влад. Ив. боится что будем работать над Столпами и вдруг К. С. не совладает с ролью, т. е. не выучит ее. Все принимаются лениво. Если Столлы не пойдут буду просить себе отпуск. К. С. просит чтобы ввели в Дно Судьбинына — Сатина и чтобы ему не играть

Штокмана, пока он занят Берником. Это трудно. Не знаю на чем порешат. Влад. Ив. будет разговаривать с К. С.

Сегодня я получила почетный билет на открытие выставки архитектуры и худож. промышленности и еще тебе и мне присланы почетные билеты на выставку 36-ти.

Сегодня был на спектакле Санин¹. Ходил по театру. Я его мало видела. Приехал на один день. Спрашивал о тебе. Мне все таки приятно было видеть его.

После завтра уже Сочельник. Буду у мамы на елке и как мне будет тоскливо!

Скучно мне без тебя. Непокойно. Я при тебе крепкая и бодрая. А без тебя развинчиваюсь совсем. Что то в жизни предстоит?

Пойду спать. Завтра раньше встану, пойду по магазинам. [. . .]. Ну покойной ночи, целую тебя много раз, дорогой мой, милый. Как во мне мало силы!

Я тебя нежно люблю, по хорошему люблю. Хоть бы во сне увидеть тебя!

Твоя собака.

1. Александр Акимович Санин — артист и режиссер Художественного театра до 1902 г.

21. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

23 дек[абря] 1902 г. Москва].

Что у тебя с зубами, дорогой мой? Болят или просто пломбировать надо? Какая это возня. А у меня то что с зубами делается! Даже стыдно к дентисту идти. Да и времени нет.

Я сегодня была с Володей у них на квартире. Володя все смеется, говорит, что странно чувствовать себя с бутафорией. Привык жить так, чтобы было на чем спать, на что сесть и больше ничего. Кухня отделана до последней мелочи — прямо удивительно, и это мне нравится. У них 5 комнат с чудесной ванной. Рояль есть. Все будет даже шикарно, обстановка style moderne. Как то они заживут! Мама и я пополам подарили Володе письменный прибор —

гладкий, серьезный, английской стали, оксидированный, 80 рубл. стоит. Дешевле есть только новомодные; не солидные. Эле я купила у кустарей большую вазу майолика за 6 р. Наполню живыми цветами и пошлю. Дай бог им хорошо жить и понимать друг друга. Они за последнее время раскисли как-то, да и понятно. Нельзя так безжалостно обращаться с чувством, как это было у них. Авось наладятся, найдут старое.

Днем репетировали Столпы. Мария Петровна играет жену Берника. Влад. Ив. решил энергично вести «Столпы».

Сейчас сыграли «На дне». Все полно. Перед спектаклем был Иван с женой, приходили за билетом от Корша. Был Рафалович, кот. сотрудничает в Бирж. Ведом. и в Парижск. журнале

Revue de l'art dramatique. Принес книжку, где он написал статью о Мещанах и о Мечтах. Я его встречала у Чюминой в Питере. Восхваляет театр, Конс. Серг., меня сильно хвалит, Артема, Лилину, Качалова.

Скучно, тоскливо мне без тебя. Я не умею развлекаться. Другие умеют как-то — всего понемножку. А у меня ты и театр, на остальное меня не хватает, да и не могу как-то ничего сделать, заинтересоваться. Узкий я верно человек. [...].

Так ты значит в испанцы поступил? Хорошо. А мне разрешаешь в испанки

пламенные пойти? Я съумею. Позволяешь? Завтра пойду кое-что покупать. Вечером буду у мамы на елке. Ой, как скучно. Ну прости, не буду.

Addio, мой журавль длинноногий, будь здоров, кушай закуски московские, будь весел, цаплю вспоминай. Все спрашивают, отчего я хуюеу. Я вешалась без платья — 3 п. 7 ф. Мало? Обнимаю, целую тысячи раз и нежно и страстно, по испански.

Твоя Оля

Ксения тебе кланяется и поздравляет с праздником.

22. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

24 дек[абря] 1902 г. Ялта].

Милая моя старушка, твой дед что то нездоров. Последнюю ночь спал очень плохо, беспокойно; во всем теле ломота и жар. Есть не хочется, а сегодня пирог¹. Ну, да ничего.

Я получил очень хорошее письмо от Куркина² насчет горьковской пьесы, такое хорошее, что думаю послать копию А. М. Из всего, что я читал о пьесе, это лучшее. Сплошной восторг, конечно, и много любопытных замечаний. Тебя хвалили в газетах, значит, ты не переборщила, играла хорошо. Если бы я был в Москве, то непременно бы, во что бы то ни стало пошел бы в Эрмитаж после пьесы и сидел бы там до утра и подрался бы с Барановым.

Вчера написал Немировичу. Мой «Вишневый сад» будет в трех актах. Так мне кажется, а впрочем окончательно еще не решил. Вот выздоравлю и начну опять решать, теперь же все забросил. Погода подлейшая, вчера целый день порол дождь, а сегодня пасмурно, грязно. Живу, точно ссыльный.

Ты говоришь, что два моих последних письма хороши и тебе нравятся

очень, а я все пишу и боюсь, что пишу неинтересно, скучно, точно по обязанности. Старушка моя милая, собака, песик мой! Целую тебя, благословляю, обнимаю. На новый год пришлю вашему театру телеграмму. Постараюсь подлиннее написать и полегче. Мать получила от тебя письмишко и очень довольна.

Будь здорова. Играй себе, сколько хочешь, только отдыхай, не утомляйся очень. Обнимаю моего дусика.

Твой А.

1. День именин матери Антона Павловича, Евгении Яковлевны Чеховой.

2. Письмо врача П. И. Куркина, близкого Чехову и очень им высоко ценимого человека, написано под свежим впечатлением спектакля «На дне» и ценно как живое и яркое свидетельство современника о переживаниях, вызванных пьесой. «Лично я думаю, — резюмирует Куркин свои мысли, — что при теперешнем настроении нашего общества, когда производится по всему строю общественных элементов «переоценка ценностей», — новая пьеса сослужит великую службу именно в поддержании, работе и развитии этого протестующего и анализирующего общественного духа. Такая заслуга писателя велика перед современным обществом».

(Продолжение следует.)